

Таким образом, обособленные от классической школы институциональные концепции своей методологией анализа с фокусом на социально-субъективные причины экономических процессов образуют новое – неклассическое – направление экономической теории, предлагая новые подходы к осмыслению современных процессов монополизации, новые принципы и методы их анализа, выработку более эффективных механизмов воздействия на процесс монополизации. Что в свою очередь обосновывает новый взгляд на антимонопольную политику государства, которая, основываясь на неклассической теории, должна превратиться из пассивного института контроля за монополиями в конкурентную политику, выступающую в качестве активного катализатора модернизации экономики.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ И ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. И. Савцова

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

В статье рассматриваются тенденции, которые характеризуют эволюцию методологических традиций в развитии экономической науки, что дает возможность понять особенность постнеклассического этапа методологии экономической науки, отличающего состояние современной экономической науки и современных теоретических моделей.

Собственно теоретическая экономическая наука возникает в XVIII в. и связана с деятельностью английской школы политической экономии, в первую очередь, А. Смитом. А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» заложил основы базовой картины экономической реальности или экономической онтологии, которые определяли развитие экономического мышления вплоть до начала XX в. А. Смит четко провел границы, различающие основания двух ветвей предшествующей традиции политической экономии: «торговой системы» (или «системы меркантилизма») и «сельскохозяйственной системы» (или «системы физиократов»). А. Смиту принадлежит критика данных направлений экономической мысли за отсутствие четкой, хорошо продуманной методологической программы,

которая дала бы им возможность стать теоретическими научными системами. Несмотря на наличие несогласованных интеллектуальных усилий, полных противоречивости, А. Смит отмечает как у меркантилистов, так и физиократов определенные доктринальные связи. Остановлюсь на данном вопросе.

Как известно, принципы научного мировоззрения меркантилистов были связаны с доктриной активного торгового баланса, как неперменного и определяющего условия функционирования и развития национального богатства. А. Смит первым показал, что меркантилизм есть не что иное, как теоретическое заблуждение, основанное на представлении, будто национальное богатство, т. е. богатство общества и государства, состоит в обладании деньгами. Меркантилисты ставили знак равенства между деньгами и капиталом. Они не принимали во внимание того факта, что богатство страны состоит не только в ее запасах золота и серебра, но и в земле, строениях и всякого рода других потребительских благах и связано с деятельностью людей, занятых не только в торговле, но и других сферах общественного производства. Для А. Смита не деньги сами по себе, а труд людей является физическим капиталом, обеспечивающим функционирование общественного производства.

Совсем другую позицию занимали сторонники физиократов. Для них национальное богатство — это те потребительские блага, которые ежегодно воспроизводятся трудом общества. А. Смит высоко оценивал эту идею физиократов как наилучшее приближение к истине политической экономии. Но для физиократов главным, определяющим видом общественного труда, являющегося источником национального богатства, был труд только в сфере сельскохозяйственного производства.

Теоретические модели меркантилистов и физиократов не имели той универсальной основы, которая была внесена в науку экономику А. Смитом и определила его место в ней. Такой основой для А. Смита стала идея о том, что разные сферы общественного производства, в которых объединяются различные интересы людей, является рынок. Именно рынок соединяет разные сферы общественного производства в единое, общественное производство. Поэтому при определенных общественных условиях частные интересы людей гармонически сочетаются с интересами общества. Данная идея и составляет основу его теории «невидимой руки» рынка как автоматического равновесного механизма, который, подобно объективным законам природы, обеспечивает экономическое развитие общества. Силы, которые действуют одновременно и обеспечивают функционирование этого механизма, по мнению А. Смита, это частные интересы людей. Стремясь только к личному

благу, люди направляются «невидимой рукой» рынка к более высоким целям общества в целом.

Таким образом, по мнению А. Смита, нет противоречия между частными и общественными интересами. Все люди, если им не мешать, будут своей экономической деятельностью умножать общее благо. Автоматический равновесный механизм конкурентного рынка, по мнению А. Смита, обеспечивает естественную свободу экономической деятельности субъектов рынка. Экономически данный автоматизм характеризуется стремлением рынков к взаимному уравниванию спроса и предложения. А. Смит выводил данную тенденцию из двух зависимостей: превышение спроса над предложением повышает цену товара и тем самым привлекает дополнительные ресурсы на данный рынок. Вторая зависимость выражается в том, что уравнивающий механизм рынка сам регулирует отношение спроса и предложения. Экономический процесс в обществе, по мнению А. Смита, это кругооборот общественного продукта, обеспечивающего жизнедеятельность общества.

Общественный продукт является той субстанцией, которая дает возможность экономистам рассчитать и тем самым реально воздействовать на процесс общественного производства, способствовать приросту общественных благ и богатства. Данная методология обеспечивала научный анализ зависимостей, определяющих общий объем общественного продукта, ежегодный прирост и структуру производимого богатства, предпосылки и пределы его роста. Совокупность всех благ можно было представить как единое целое, как предмет исследования классической экономической теории.

Таким образом, суть экономической онтологии А. Смита состоит в раскрытии содержания и функционирования кругооборота общественного продукта и места экономических субъектов в этом кругообороте. Это то, что определяет практическую значимость его экономической онтологии. В концепции А. Смита, экономика рассматривалась со стороны результата производственной деятельности – общественного продукта. Это была модель статичной экономической системы, функционирование которой можно было прогнозировать. Поэтому Ж. Б. Сей, Д. Рикардо, Д. С. Милль, следуя линии А. Смита, не видели необходимости в анализе кризисов – как финансовых кризисов, так и кризисов перепроизводства, считая их несущественными факторами существования экономической системы. Данные явления не были характерны для этого времени. Потому оказались вне поля зрения последователей А. Смита.

Но в конце XIX в. экономисты столкнулись с такими факторами экономической динамики, которые свидетельствовали

о нестатичности экономической системы. В силу этого возникли трудности в объяснении новых явлений в экономике. Вначале экономисты полагали возможным решить новые проблемы экономики в пределах классической методологической традиции. Фактором, заставившим по-новому осмыслить суть экономических тенденций стало открытие экономистами влияния самой экономической деятельности (поведения экономических субъектов) на экономические процессы, механизм их протекания.

Впервые вопрос о поведении экономических субъектов и их влиянии на экономику встал, когда кредитно-финансовая составляющая (деньги) вошла в структуру их экономической деятельности. До этого времени обмен товара на деньги и денег на товары рассматривался как временный, промежуточный акт, от которого экономическая наука могла абстрагироваться. Роль кредита и денег сводилась к пониманию их как посредника в процессе товарообмена и сугубо технического средства. То, что их движение может влиять на деятельность людей, экономику, прежде было вне внимания исследователей. Но именно на этом пути экономическую науку и ее методологию ожидали неожиданности.

Стало понятно, что экономические обмены в реальной экономике нельзя сводить только к товарным обменам. Кредитно-денежные отношения стали играть определяющую роль в структуре обменных процессов. Кредитные обязательства будущих платежей стали формировать совершенно новые особенности экономики XX в. Стало понятно, что кредитно-финансовая составляющая экономической деятельности не нейтральная среда в экономике, а активный посредник, который определяет скорость протекания экономических процессов в экономической системе, их эффективность и влияет на хозяйственную активность экономических агентов. Стало понятно, что важным фактором экономической деятельности является доверие людей к кредитно-денежной системе и кредитно-денежной политике государства. При возрастающем доверии скорость оборота платежных средств в экономике растет, что является предпосылкой для расширения всего процесса общественного производства, торговли. И, наоборот, при снижении доверия людей к кредитно-финансовой системе «пропускная способность» кредитной системы падает, что подавляет экономическую активность экономических агентов.

Экономисты впервые столкнулись с субъективной компонентой экономической деятельности, которую впоследствии стали называть «экономическими ожиданиями». Встал вопрос: как действует это новая составляющая в структуре экономической деятельности, как она отражается на действии всего экономического механизма. Исследование ее содержания и стало

предпосылкой формирования неоклассической экономической методологии.

Новые теории, которые разработали К. Менгер, Ф. фон Визер, О. фон Бём-Баверк (австрийская школа), Л. Вальрас (швейцарская школа), У. С. Джевонс, Дж. Кларк (американская школа), И. Фишер, А. Маршалл, А. Пигу (английская школа) дали возможность понять субъективные механизмы деятельности экономических субъектов. Классическая политэкономия не изучала проблему личного потребления, не включала его в предмет экономической теории. Благодаря М. Менгеру, доказавшему, что человек со своими потребностями и своей властью над средствами их удовлетворения является исходным пунктом всякого хозяйства, экономическая наука начинает изучать личные интересы и мотивы действия потребителей. Так была создана теория потребительского поведения.

Следует обратить внимание на то, что в новом методологическом поиске экономисты шли разными путями. Часть из них рассматривали поведение экономических субъектов как кратковременную составляющую экономической динамики, которую можно просчитать и предвидеть ее последствия. То есть они исходили из представления, что экономическая наука, несмотря на серьезные методологические изменения в понимании и объяснении ее оснований, не выходит собственно за пределы своего предмета. И приверженность классической методологии экономической науки определяет ее суть и перспективу. Другие сосредоточили свое внимание «на изучении человеческого поведения как отношения между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативное применение»⁹³ и сосредоточили свое внимание на анализе возможностей новой методологии.

Первым, кто обратил внимание на то, что за поворотом экономической науки к исследованию поведения людей формируется новая картина экономической онтологии, был Й. А. Шумпетер. В своей работе «История экономического анализа» (1954) он поставил проблему новой базовой онтологии, которая, по его мнению, должна предшествовать началу исследования, Й. А. Шумпетер понимал, что речь идет о совершенно новых явлениях в экономической жизнедеятельности общества, и что все эти проблемы выходят за пределы собственно классической экономической науки.

Таким образом, в экономическом сознании нач. XX в. сложились две модели экономической онтологии: одна, классическая, была связана с представлением о естественном, предметном

⁹³ Robbins L. The Subject-Matter of Economics // Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2-nd ed. London: Macmillan, 1935. Ch. 1. Pp. 1–23.

характере экономики, механизм действия которой автоматически, подобно законам природы, обеспечивает функционирование экономической системы. Другая, новая модель, строилась на исследовании характера поведения экономических субъектов, открытии устойчивых связей в этом поведении. Данная модель приняла в качестве исходного момента субъективную мотивацию экономического поведения индивида, т. е. повернулась лицом к человеку – производителю и потребителю. Но и в том, и другом случае экономисты сосредоточили свое внимание на поиске общезначимых законов, которые бы дали возможность управлять или системой в целом, или деятельностью экономических агентов, исследуя ее механизмы.

Методологический анализ обеих онтологий дает возможность представить общую картину эволюции экономических теорий, их направленность. В основе обеих методологических традиций было стремление их приверженцев свести все многообразие экономической реальности к фундаментальным основам (единой сущности) и представить в единой теоретической модели.

В 30-е гг. XX в. подобные тенденции нашли отражение в возрождении интереса экономистов к методологии позитивизма и постпозитивизма. Определяющей проблемой стала проблема демаркации, отграничение знания научного знания в экономической науке от ненаучного. Для экономической науки данная проблема оказалась довольно сложной. В результате наличия разных критериев научности для разных компонентов знания в экономической науке усилился разрыв между теоретическим и эмпирическим знанием. Сложилось два полюса притяжения: с одной стороны, «чистая теория» опирающаяся на рационализм, с другой – прикладной, прагматический сектор науки. В это время произошел переход экономической теории на язык математики и к методологическим стандартам формализованного знания⁹⁴. Главным средством анализа стало построение математических моделей, а главным критерием их научности – логическая строгость выводов. Методологическая установка П. Самуэлсона основана на «выведении операционально значимых теорем»⁹⁵, а также на требовании, чтобы они были выражены в такой форме, которая хотя бы в принципе допускала возможность их опровержения. Такая установка соответствовала позитивистским идеалам научности.

Одновременно в экономической методологии складывалась и начинала действовать инструменталистская тенденция, связанная со стремлением ограничению самостоятельности математических

⁹⁴ Цит. по: Самуэлсон П. Основания экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2003.

⁹⁵ Там же.

моделей в экономике. Теория уравнивалась с рабочими гипотезами, которые должны были содействовать получению эмпирических результатов⁹⁶. М. Фридмен утверждал, что качество теоретических моделей не зависит от реалистичности предпосылок, положенных в ее основу и определяется лишь способностью теории давать достаточно точные предвидения.

Борьба двух направлений в методологическом пространстве экономической науки привела к появлению большого количества теоретических моделей, которые исследовали экономическое поведение в разнообразных условиях: информационных и инструментальных. Они были фрагментарны по своей природе. Эти исследования не были направлены на открытие новых экономических явлений. Но решение прикладных задач стимулировало использование всего многообразия аналитических средств из смежных дисциплин, и этот теоретический инструментарий стал основой новых направлений экономической науки.

Наличие фундаментальных экономических теорий, что было характерно для нач. XX в., уступило место их отсутствию. Это характерная особенность экономической науки в к. XX в. Экономическая наука потеряла экономику как свой предмет, измельчала тематически, стала «аспектной» наукой. «<...> Современная западная экономическая наука не знает такого жанра, как типичный для прошлого века жанр трактат под названием «Принципы политической экономии», в котором в единую систему увязываются все экономические закономерности. Отдельные отрасли экономического анализа настолько специализировались, что даже самые синтетические умы не способны создать оригинальную теорию, охватывающую все»⁹⁷. Естественно, что данное обстоятельство не осталось незамеченным для научного сообщества. Этим объясняется все возрастающий методологический интерес к экономическому знанию и познанию и, как результат, — формирование экономической методологии как специализированной области исследований⁹⁸.

Экономическая методология существенно расширила пространство исследования экономического познания и экономической реальности. Это не только собственно методологические, но и философские, социологические, этические, идеологические проблемы экономической реальности. Исследование структуры экономического

⁹⁶ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.

⁹⁷ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1997. С. XX.

⁹⁸ Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта; пер. с англ. В. С. Автономова и С. А. Афонцева. СПб.: Экономическая школа, 2002. 387 с.

знания, тенденции его развития, методы и способы экономического анализа, практика экономической деятельности дали возможность развиваться методологии экономики. Постпозитивизм, в первую очередь К. Поппера, оказал существенное влияние на формирование основных установок экономической методологии. Этому особенно способствовали исследования методов анализа экономических явлений на предмет надежности и достоверности экономических теорий, полученных на основе этих методов. Экономическое знание позволяло исследовать всю палитру деятельности экономических субъектов. Но многообразие типов экономических субъектов разрушало прежнюю картину экономической реальности. Отсюда двойственность методологического поиска: с одной стороны, стремление экономистов к созданию базовой теории экономики, с другой – многообразная деятельность современных экономических субъектов делает знание о них фрагментарным.

Вскоре стало понятно, что позитивистская и постпозитивистская методология не дает возможности вписать многообразный экономический материал в определенные схемы. Эта ситуация естественно требовала выхода за пределы установленных К. Поппером, Т. Куном и И. Лакатосом методологических моделей, которые были популярны среди экономистов в это время. Были открыты новые возможности для понимания содержания экономических теорий. Если прежде философия науки давала возможность исследовать приемы ученого, с помощью которых он начинал судить, можно ли данную теорию считать научной, то теперь философия науки давала ему инструменты для анализа содержания экономического знания.

Естественно, что появление в конце 80-х гг. работ американского экономиста Д. Макклоски вызвало неподдельный интерес в экономическом сообществе. «Экономическая теория как риторика» была основана на убеждении Д. Макклоски, что именно риторика дает возможность экономической теории выйти за пределы самоизоляции, отказаться от поисков единой предписывающей методологии. Прежние экономические теории, вооруженные методами логического позитивизма, исходила из фактов и логики. В рамках риторического подхода особое значение приобретают персональные качества ученого, стиль изложения, эмоциональный ряд (пафос), характер используемых метафор и другие риторические приемы, которые способны убедить экономистов и общество. Д. Макклоски предлагает сместить акцент с теоретических на практические моменты убедительности экономических теорий. Экономическая теория им рассматривается как поэтика, нарратив, т. е. как способ выстраивания эмпирического материала в связанное образное описание, с присущими ему

сюжетами и историями. Научные аргументы Д. Макклоски считает лишь одним из возможных способов убеждения, но далеко не единственным и далеко не всегда решающим. Риторический подход, по мнению Макклоски, даст возможность обновить экономическую теорию, вернуть экономистов в более широкий культурный и философский контекст: «Экономисты – это поэты, но они не знают этого. Экономисты рассказывают теории без связующей нити. Экономисты – это философы, которые не изучают философию. Экономисты это ученые, которые до сих пор не знают, что их наука стала игрой мальчишек в куличики», – пишет Макклоски⁹⁹. Базовой онтологией риторической методологии становится сконструированный образ изучаемого объекта, который возникает на базе широкого культурного контекста. Идея жанрового разнообразия современной экономической науки открыла новые возможности исследования всего богатства теоретической традиции в экономике. Экономическая наука стала трактоваться как множество неоднородных и социально сконструированных дискурсов, создаваемых коллективами ученых и подлежащих интерпретации.

Методологические исследования продемонстрировали их теоретическую значимость для экономической науки в силу их разнообразия. В настоящее время говорить о возможности построения универсальной экономической онтологии не приходится. В этом, пожалуй, особенность современного состояния экономической науки.

⁹⁹ Макклоски Д. Риторика экономической науки. Второе издание / пер. с англ. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.